

Неомарксизм и постмарксизм как идейная основа современного института государства

Н. Н. Равочкин^{1, 2}

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

² Кузбасский государственный аграрный университет им. В. Н. Полецкого,
г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Аннотация. С позиции философии автор рассматривает концепции неомарксизма и постмарксизма в качестве идейной основы современного института государства. Разграничено понимание социальных феноменов в классическом марксизме, неомарксизме и постмарксизме. Рассмотрены основные траектории трансформации идей классического марксизма. Проанализированы ведущие марксистские подходы к рассмотрению политического. Систематизировано содержание понятийного аппарата современных концепций постмарксизма, в единстве политических связей и отношений, проанализировано преобразование идей марксизма. Показана экспликация идей в объеме парадигмы государства. Сделан вывод о сохранении идеи антагонизма субъектов и образа врага как антагониста, необходимого для реализации конструктивистской природы человеческого и политического, для создания норм взаимодействия.

Ключевые слова: экспликация идей, социальный институт, классический марксизм, неомарксизм, постмарксизм, парадигма государства, антагонизм субъектов, образ врага, практики, порядок, норма, политическое

Для цитирования: Равочкин Н. Н. «Неомарксизм и постмарксизм как идейная основа современного института государства». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 108–120. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-108-120>
EDN: MWODQA.

Original article

Neo-Marxism and post-Marxism as the ideological foundation of modern institution of the state

N. N. Ravochkin^{1, 2}

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

² Kuzbass State Agricultural University named after V. N. Poletskov, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

Abstract. From a philosophical perspective, the author examines the concepts of neo-Marxism and post-Marxism as the ideological foundation of modern institution of the state. The understanding of social phenomena in classical Marxism, neo-Marxism and post-Marxism is distinguished. The main trajectories of transformation of the ideas of classical Marxism are considered. The leading Marxist approaches to the consideration of the political are analyzed. The content of the conceptual apparatus of modern concepts of post-Marxism is systematized, in the unity of political connections and relations, and the transformation of the ideas of Marxism is analyzed. The explication of ideas in the volume of the state paradigm is shown. The conclusion has been made about the preservation of the idea of antagonism of subjects and the image of the enemy as an antagonist, necessary for the implementation of the constructivist nature of the human and the political, for the creation of norms of interaction.

Keywords: ideas explication, social institution, classical Marxism, neo-Marxism, post-Marxism, state paradigm, subjects antagonism, image of enemy, practices, order, norm, the political

For citation: Ravochkin N. N. "Neo-Marxism and Post-Marxism as the Ideological Foundation Of modern Institution of the State". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 108–120. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-108-120>

Введение.

Трансформация парадигм анализа государственной власти

Проблемность сущности и процессов формирования и развития социальных институтов, в том числе государства, определяется самим фактом нормирования определенных типов отношений, которые закрепляются на конкретном этапе развития связей и отношений между людьми и оказываются доминирующими: определяют необходимые и приемлемые практики коллективной интеракции. На этом основании значимым оказывается анализ причин, условий

возникновения и реализации социальных институтов, а также перспектив их существования в новых исторических, технических и иных условиях. Как следствие, трансформация внешних требований к институтам, в том числе государству, приводит к смене парадигм их анализа, в том числе появлению новых концепций, предлагающих их толкование. Так, в рамках классического марксизма утверждается, что государство представляет собой инструмент доминирования экономически господствующего класса. Принципиальной является мысль о выполнении государством ряда значимых

© Равочкин Н. Н.

функций, сопряженных с развитием экономических связей и отношений, что предполагает два исторически сложившихся условия. Одно из них отсылает к положению дел, при котором определенные общества не имели государства в силу своей экономической неразвитости. Другое определяется необходимостью организации общественно-экономических отношений, выраженных в доминировании одного класса над другим, что в конечном счете приводит к нормативному закреплению функционала социально-политических институтов. При этом существенным для марксизма оказывается признание распределения подданных по территориальному признаку, а также наличие публичной власти (не совпадающей непосредственно с волей населения), принципиальная функция которой состоит в поддержании подданных в подчинении.

Представленная точка зрения логично подвергается критике, что связано с экономическим редукционизмом государства как социально-политического института, а также временной его природой, определяемой фактом существования классов и прекращения их существования по экономическим причинам. На место классического марксизма приходит ряд концепций, в которых проводится содержательная критика и переосмысление идеи классового доминирования как базового принципа формирования государственности. Сообщество мыслителей-марксистов в той или иной степени разделяют данное положение, однако модифицируют его в соответствии с актуальными реалиями. Так, А. Грамши утверждает, что господство класса обеспечивается не только принуждением, но и согласием подчиненных. Государственная власть не может опираться лишь на экономическое доминирование: собственность сама по себе не гарантирует устойчивости системы. Важнее — способность правящего класса формировать культурную гегемонию, навязывая

свои ценности как общепринятые. На этом основании представляется существенным утверждение о том, что согласие со стороны подчиненных определяет возможность для отдельных граждан позитивно воспринимать доминирование государственной машины принуждения (Мармазова О. И., Мармазова Т. Р., 2018: 75).

При этом сферы доминирования распределяются на экономическую, политическую и доминацию в сфере гражданского общества, или доминацию, связанную со всеми возможными формами интеллектуальной деятельности. А. Грамши в целом признает наличие прямой зависимости всех элементов надстройки от экономических факторов (базиса), однако трансформирует эту идею в пользу признания возможности фундаментального обратного влияния на экономическую составляющую общества. Таким образом, государство на идеологическом, нормативном, концептуальном уровнях вполне оказывается способным к трансформации общественно-экономических отношений. Мыслитель задается вопросами: «возможна ли пролетарская революция в государстве, которое экономически „не дошло“ до необходимого уровня?» и «является ли революция, совершенная пролетариями, именно пролетарской революцией?» Здесь существенными оказываются вовсе не внешние признаки, определяющие практическую реализацию. Речь скорее должна идти о внутренних, интеллектуальных основаниях подобной практики (в частности революционных действий). Для определения революции как пролетарской необходим факт, свидетельствующий, что действия представляют собой не только феномен силы, но также и обновление всех возможных привычек, принципов мышления и норм, регламентирующих общественные отношения. Первичной оказывается именно интеллектуальная установка, следствием которой становится действие (Савино, 2017). Для итальянского

неомарксиста было очевидным, что «философия практики», которую он создавал, содержала в себе примат интеллектуального над материальным, а значит, возможность интеллектуалов доминировать над практиками, реализующими конкретные действия. По этой причине позиция А. Грамши представляется разумной, так как мыслитель признает опережающую деятельность политической надстройки по захвату власти. Именно благодаря такому способу влияния и руководящей роли соответствующих государственных структур становится возможным преобразование экономических оснований коллективного бытия. Вследствие этого деятельность государственных структур можно считать фактором преобразования всех возможных (в том числе экономических) общественных отношений. Данная идея распространяется не только на уровне отдельного конкретного государства, но и на международном уровне.

Идеи неомарксистов против гегемонизации буржуазии в современном миропорядке

Сохраняется центральная идея доминирования отношений для конкретной формы собственности. В частности, последователи А. Грамши, анализируя современную буржуазную формацию, признают, что она обслуживает гегемонизацию буржуазии — через язык, технологии, искусство, образование, моду и т. д. (Пую, 2008). Установление такого гегемонического порядка не устраивает неомарксистов, которые предлагают идею его деконструкции в пользу формирования контргегемона, который мог бы содержательно противостоять действующему миропорядку.

Известна ставшая традиционной идея Ф. Фукуямы о конце истории. Идея содержит положение о прекращении противоборства между капиталистическим лагерем во

главе с США и социалистическим блоком во главе с СССР — по причине распада последнего. Традиционность идеи Ф. Фукуямы связывается с тем, что она отошла в историю интеллектуальной мысли и передается поколениям. Однако содержательно вопрос о противостоянии миров закрепляется в обозначенных принципах борьбы с гегемоном в неомарксизме. Фундаментальным признается положение о существовании миров, которые различаются идеологически, концептуально, а следовательно — социально-политически. Сообщество мыслителей, принадлежащих к данному направлению, критикует образ Запада — как собрание всеобщих благ и прогресса — и навязанный им образ остального мира — как нуждающийся в модернизации и вестернизации. Общий смысл критики заключается в том, что подобное мировоззрение — не единственно возможное, а значит, потенциально содержит недостатки и конкурирующие идеологические проекты. Мыслители, которых можно отнести к неомарксизму (в частности Р. Кокс), высказывают идею необходимости создания такого контробщества, которое будет альтернативой гегемону. В его главе «должна стоять глобальная революционная элита („депутаты глобального общества“¹), чья открытая политическая философия станет платформой для объединения рабочего класса, членов антилиберальных партий, движений, представителей традиционных религий со всего мира» (Мармазова О. И., Мармазова Т. Р., 2018: 76). Подобные решения апеллируют к ряду принципов. Один из них состоит в признании противопоставления ценностных оснований классического либерализма, капитализма и в необходимости обслуживать интересы и приоритеты буржуа, с одной стороны, и «антилиберальные» (в частности «левые») приоритеты, с другой стороны. В рамках данного принципа представленные

¹ Дугин А. Г. «Контргегемония». *Левифан*. Вып. 5: *Контргегемония и евроцентризм*. [Под ред. А. Г. Дугина. Ред.-сост. Л. В. Савин]. М.: Евразийское Движение, 2013. 7—27.

проекты оказываются не только и не столько экономически детерминированными, сколько обусловленными идеологическими (ценностными) основаниями. На государственном уровне приоритет отдается не только экономике, но также идеологии как способу объяснения картины мира в конкретных политических, мировых и иных условиях.

Влияние интеллектуалов на государственность как систему противоборства идеологий

На этом основании в среде неомарксистов считаются особенно ценными идеи И. Валлерстайна о мир-системном анализе. Мыслитель разделил мир на «ядро» (капиталистический мир), полупериферию (социалистический блок) и периферию (страны третьего мира), что привело к пониманию истории «ядра» именно как борьбы за гегемонию. Неомарксисты реализацию такого положения дел ставят на внутригосударственный уровень — уровень противостояния между элитами и интеллектуалами. При этом значимым оказывается наличие небуржуазных элит, способных выйти за пределы именно экономического доминирования.

Вместе с тем среди выведенных выше трех сфер доминирования — экономической, политической и гражданской — последняя оказывается крайне важной, поскольку высокая роль принадлежит интеллектуалам, способным сделать выбор между гегемонией и контргегемонией, между обслуживанием статус-кво и выбором революционных действий. Представители неомарксизма высказывают также идею о том, что помимо экономических (классический марксизм) и политических (ленинизм) способов влияния крайне ценным является интеллектуальное влияние на государственность как систему противоборства. Именно в таких системах в полной мере реализуется ценность идеологических конструктов, а история политических структур — как на внутригосударственном, так и на международном

уровне — представляет собой противостояние идеологий. При этом идеологии мыслятся не только как ушедшие в века (как постулировал Ф. Фукуяма), а в первую очередь как создаваемые в актуальный момент интеллектуалами.

Трансформация марксизма в русле неомарксизма реализуется через признание крайне высокой роли интеллектуалов, способных на концептуализацию, а также на продвижение идеологии и даже пропаганду, — способных отстоять необходимую идеологию. Поскольку история «ядра» трактуется как история борьбы идеологий, постольку развитие марксистских идей должно связываться с продвижением положений и концептов, ценных для антигегемонистских сил (Михайловский, 2017).

Ученые, исследующие идеи А. Грамши, указывают на весьма справедливое историческое разделение в его философии воззрений марксистов, выходящих к идеалистической интерпретации концепции К. Маркса (например Б. Кроче), и тех, кто редуцировал концепцию немецкого мыслителя к материалистическим основаниям (Г. Плеханов). Минимизировать противостояние данных интерпретаций возможно через «введение в эксплуатацию» именно интеллектуалов, способных к анализу и продвижению «высоких материй» в форме идеологии, а также к максимально простому (в частности материалистическому) методу донесения основных нарративов идеологии до ее «потребителей» (Рагозин, 2016). Вся история человечества, начиная с эпохи Возрождения, — это восхождение идеологии буржуа (по А. Грамши), с которой приходится считаться и бороться как с гегемоном. Как следствие, кратко возрастает роль в общественном развитии (в том числе на политическом, государственном уровне) именно интеллектуалов, которые далеко не всегда так или иначе связаны с функционерами и государственными служащими.

**От экономического субстанциализма
к символической природе общественных
отношений в анализе политических дискурсов**

Иным представляется понимание государства как института, а также его роли в ряде концепций постмарксизма. Если для классического марксизма функционал государства определяется как регулятор противостояния социальных групп, партий и других участников политического процесса, что позволяет отнести государство в область надстройки, то в рамках постмарксизма реализуется отход от представленного понимания соотношения общественного и политического (как государственного) в иные плоскости. Так, принципиальный отрыв от классического марксизма был реализован в концепциях Э. Лакло и Ш. Муфф, для которых был принципиален отказ от экономического субстанциализма К. Маркса и его детерминации всех остальных сфер социальной действительности в пользу признания символической природы общественных отношений. Общество в концепции названных мыслителей представляет собой дискурсивную (семиотическую) систему. Данное признание не подразумевает полного отказа от экономического детерминизма, что связано с фундаментальной идеей самого К. Маркса. Главная задача, стоящая перед его последователями, определяется потребностью преобразования основных положений базовой концепции в пользу ее приложения к актуальным условиям социально-политического бытия. Так, наличие объективного существования материального мира и соответствующих связей и отношений не отрицается неомарксистами. Значимой выглядит следующая идея: «...Присутствие в нашем опыте объектов всегда опосредовано символически и всякая материальная практика эффективно функционирует лишь в том случае, если она включена в поле осмысленного, нагружена определенным значением» (Оришева, 2010: 5 (XVIII): 137). Представленная идея свидетельствует

о признании высокой значимости интерпретаций тех фактов, в системе которых человек существует. Не только и не столько факты экономических детерминант определяют вектор реализации политического (в частности государственного) и общесоциального бытия. Намного более приоритетным следует считать формирование представлений о связях и интерпретациях этих фактов. Систему общественных отношений, как полагали Э. Лакло и Ш. Муфф, эффективнее рассматривать через призму семиотического анализа, в рамках которого отдельные объекты экономической детерминации трактуются как денотаты, предполагающие наличие необходимого знака и соответствующего коннотата. Как следствие, в отношении общества представленная логика с необходимостью вводит в оборот «общее поле дискурсивности», в рамках которого понятия денотата и коннотата позволяют описывать и формировать системы коллективных (социальных) отношений. Отсюда единственно доступной для анализа системой оказывается пространство совместного существования и взаимного влияния дискурсов: множество представлений в той или иной степени позволяют объяснять множество отношений между элементами экономических, политических систем, равно как любыми другими. Полагается отказ от экономических оснований как фундаментальной детерминанты общественных отношений. В приоритете — система интерпретаций и связей между дискурсами. Более того, в соответствии с представленным положением, задачей социального теоретика становится поиск и установление регулярно повторяющихся связей между элементами общественных отношений, а также «логик», т. е. принципов регламентации, которым последние подчиняются (Гололобов, 2003).

Систематизация понятийного аппарата концепции постмарксизма в отношении общества и государства

Содержание предметов, равно как и политической среды, и государства, определяется в концепции постмарксистов системой понятий, среди которых особое значение приобретают: «логика различия», «логика эквиваленции», «узловая точка», «плавающее означающее», «антагонизм» и «гегемония».

Понятие «логика различия» отсылает Э. Лакло и Ш. Муфф к утверждению, что любой объект становится объектом нашего восприятия только в системе отношений с другими соответствующими объектами. Идентифицировать его можно только в системе различий с другими элементами соответствующего класса. На этом основании содержание конкретного предмета (человека, его статуса, роли в обществе) определяется не только субстанциальными свойствами, но также и релятивными характеристиками, позволяющими описать относительность положения человека в системе общественных связей и отношений. Как следствие, любая дискурсивная практика оказывается всегда открытой, т. е. предполагает любые иные интерпретации и включения системы предметов в иные системы отношений. Поэтому статусы, роли, положения человека могут определяться именно «логикой различия», что дает основание дифференцировать все возможные отношения субъектов общественной интеракции.

Понятие «логика эквиваленции» отсылает к необходимости связывать множество разрозненных элементов в единую систему значений. В результате этого так называемые *плавающие означающие* получают место в системе отношений между элементами. Э. Лакло и Ш. Муфф пишут, что «всякий дискурс конституируется как попытка подчинить себе поле дискурсивности, приостановить поток различий, утвердить некий центр. Мы будем называть привилегированные дискур-

сивные точки этой частичной фиксацией узловыми точками» (Laclau, Mouffe, 1985: 112). На уровне идеологии представленное положение будет детерминировать центральный концепт, определяющий содержательное единство конкретной идеологии. Речь идет о политическом (в частности государственном) дискурсе, где центр принятия решений доминирует над периферией — как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Все возможные различия, а именно субъекты интеракции, должны подчиняться единому центру, который позволяет разнородным структурным элементам существовать, однако определяет вектор становления системы в целом (Матвеев, 2009).

С использованием «логики различий» и «логики эквиваленции» общество трактуется как вечно становящийся феномен и предмет приложения разнонаправленных сил — самоопределения отдельных его элементов и доминирующего субъекта, чье стремление состоит в претворении единых нормативных оснований, социальных стандартов. Кроме того, общество, равно как и государство, суть некий воображаемый конструкт, который был утвержден в определенный промежуток времени. Как следствие, совершенно иначе, чем у К. Маркса, концепция постмарксистов объясняет становление, развитие, выполнение функций и отход в историю государственности как таковой: государство понимается как результат конструктивистской природы отдельных социальных субъектов, которые в определенный период считают необходимым создать механизм коллективного принуждения и избавляются от него, если в нем более нет необходимости. Такая форма государства оказывается чем-то вроде кантовских «трансцендентальных идей», которые задают единство социального опыта, однако сами по себе в опыте не даны.

Государство возникает из борьбы социальных групп, каждая из которых стремится

навязать свое видение общества и переустроить его согласно своим ценностям и интересам. Как следствие, отсутствуют объективные основания для существования в социальном как таковом и государственном как его частном проявлении.

Также логичным представляется следующее положение Э. Лакло и Ш. Муффа: общество суть результат попытки творения — через политического субъекта — унифицированного символического пространства, единство которого «раздирается» антагонистами. При этом такое символическое пространство в попытках унификации наделяется едиными смыслами и значениями, которые претендуют на уровень всеобщей значимости для всех участников социального процесса. Однако поскольку каждая отдельная группа вполне способна к символизации самостоятельно, антагонизм множества групп приводит к невозможности достичь единых и неизменных оснований в социальном процессе. В этом отношении вопрос о доминировании решается довольно просто: поскольку отдельный социальный субъект не в силах самостоятельно преодолеть основания антагонизма между субъектами, то для формирования, поддержания и сохранения универсального общества требуется консенсус в распределении универсальных ценностей, закрепляющий легитимный порядок действующих институтов. Как следствие, общество и государство как социальный институт суть результат консенсуса, который доминирует над разрозненными и враждующими структурными элементами (социальными акторами).

Духовный гегемон — от противоборства к идее борьбы. Трансформация категории врага в правопорядке

Для закрепления подобного положения дел используются ресурсы так называемого духовного гегемона, выраженного идеологическим измерением — тем фактором, кото-

рый позволяет в полной мере закрепить в позиции каждого из субъектов — участников отношений согласие именно на конкретный способ организации государственной среды. Такой роли идеологического измерения соответствует мысль о том, что постмарксистская концепция политического определяется наличием категорий «друга» и «врага», причем последняя обладает свойствами сугубо политического, но никак не личностно-экзистенциального. Наличие политического единства (государства) устанавливает существующий нормативный порядок, нарушение которого носит до известной степени позитивный характер, поскольку указывает на регламентирующую функцию всех участников процесса интеракции с государственным устройством. Враг в таком случае обуславливает саму онтологическую возможность выхода за пределы непосредственного порядка, создает такую возможность, поэтому его «персона» преследует цель возвращения в свои границы. На этом основании в области политического «конститутивная для нее категория врага не является свидетельством ее агрессивно-экспансионистского характера, но, напротив, рассматривается в качестве средства деэскалации насилия» (Балаклеец, Бакшутова, Мухаметшина, 2023: 5.2: 52). Враг здесь понимается скорее позитивно. Признание врага создает нормы взаимодействия, удерживая насилие в рамках. Нарушая эти границы, «незаконный враг» разрушает политический порядок, возвращая людей в естественное, доправовое состояние. На международном уровне представленная идея реализуется достаточно эффективно. Речь идет о том, что классическая для марксизма диалектика единства и борьбы противоположностей в идеях постмарксистов (в частности К. Шмитта) предполагает, что в политическом в его нормативном измерении организуется инклюзивный антагонизм.

Проблемной оказывается всё та же концепция конца истории Ф. Фукуямы,

в соответствии с которой разрушение bipolarного мира и противостояния СССР и США приводит к отсутствию противоречий, антагонизма. Для К. Шмитта оказывается принципиальным, что концептуальная привычка давать преимущество единству перед множественностью, мягко говоря, не обоснована (Артамошин, 2009). Мыслитель проводит содержательный анализ и критикует принцип единства, указывая на тот факт, что наличие доминирования одной из сторон конфликта не влечет за собой гарантии, что такое доминирование осуществляется в интересах всех подчиненных элементов. В частности, К. Шмитт приводит аргумент, согласно которому доминирование Сатаны наравне с Христом является единством, гегемонией одной из сторон конфликта. Единодушие и единогласие в таком случае оказывается не всегда оправданным и порой бесперспективным.

На основании представленной логики анализ политического единства в моноцентричном и полицентричном политических порядках приводит мыслителя к идее о приоритете, большей эффективности полицентричности. Суть концепта международного политического плюриверсума, определяемого К. Шмиттом, — в способности каждого из участников международного политического процесса сдерживать попытки других государств установить глобальный суверенитет (Савин, 2015). Отдельное государство не имеет, таким образом, возможности достигнуть самостоятельности и независимости от системы международных отношений, поскольку включено в антагонизм «друг — враг» по отношению ко всем остальным государствам. Наличие вражеского в такой системе берется в позитивном значении: каждый отдельный элемент политического плюриверсума сам по себе не может воспринимать себя удерживающим фактором, служить предотвращению наступления «конца истории». Как результат, признает-

ся наличие регламентирующего политического насилия, которое, однако, регулируется не признанием наличия у государства единственного («абсолютного») врага, а правом самостоятельно определять законных, т. е. «справедливых», врагов, каждый из которых подчиняется установленным правилам борьбы. Такое положение содержит в себе принцип, согласно которому «Шмиттова оппозиция друга и врага сохраняет свое позитивное политическое значение при открытой возможности ее конституирования, т. е. при наличии *выбора* друзей и врагов» (Балаклеев, Бакшутова, Мухаметшина, 2023: 5.2: 53). Представленная логика определяет политико-онтологическую характеристику нормативного измерения международных отношений, основанных не на факте противоборства, а на самой идее борьбы.

Последнее выдвинутое положение содержит в себе идею о том, что физическое противостояние, отражающее марксистский принцип единства и борьбы противоположностей, оказывается устаревшим методом борьбы в политической сфере. Государство как один из главных политических институтов вполне может вступать в противоборство с иными своими «конкурентами» не только и не столько на экономическом или политическом уровне. Речь скорее идет о нормативистском понимании противоборства, в котором идеология определяет вектор восприятия образа врага. Более того, последний может быть назначен в соответствии с текущими или перспективными интересами. Сам образ врага как антагониста, преодолевающего гегемонию, имеет смысл трактовать через принцип равноправия, как необходимый элемент любого политического процесса. Именно такой враг позволяет реализовать конструктивистскую природу человеческого и политического, поскольку мыслится в качестве одного из антагонистов, поддерживающих существующий миропорядок (Гурин, 2014).

Критика агрегативной и делиберативной парадигм. Неполитические формы социальной интеракции

Кроме того, такой образ врага имплицитно включает в себя необходимость изменения статуса политической интеракции. Речь идет о способности и возможности субъектов данной формы взаимодействия реализовывать необходимые действия не «сверху», как это было в классическом марксизме, а «снизу» — через использование ресурсов, в том числе негосударственных институтов (Дорогов, 2014). При этом Ш. Муфф указывает на невозможность полноценного исключения конфликтогенных ситуаций, что влечет за собой необходимость сохранения образов «друга» и «врага». Однако мыслитель предлагает сместить акценты политической, равно как любых других форм социальной интеракции, в сторону экономико-политического и этико-политического взаимодополняющего сотворчества.

По мере раскрытия данного положения Ш. Муфф последовательно критикует существующие либеральные парадигмы политической философии — агрегативную и делиберативную. Первая парадигма предполагает рассмотрение индивидов как рациональных существ: каждый индивид стремится максимально удовлетворить собственные интересы и тем самым преобразовать политический мир. Такой подход определяет экономико-политический аспект образа «врага»: враг мыслится как соперник в удовлетворении собственных, частных интересов. Вторая парадигма, сформированная Ю. Хабермасом, утверждает возможность достижения в политической сфере рационального этического консенсуса на основании свободной дискуссии. В рамках данных подходов политическое утрачивает свою автономию и редуцируется к неполитическим осно-

ваниям и формам социальной интеракции². Такое понимание политического реализуется в конкретных формах и методах борьбы. В условиях современности более не существует непосредственно политического противостояния, речь идет скорее о замене этой формы борьбы иными способами влияния. Так, Ш. Муфф, подразумевая систему «мы — они», говорит о маскировке политических значений в моральных категориях. Речь идет в данном случае не о «признанных врагах», а о борьбе добра со злом. Это трансформирует принципы отношений между субъектами международной антагонистской системы: на место реальной политической борьбы встает система моральных оценок, позволяющая скрыть отказ признавать *другого* в качестве политически равного мне, но также утвердить себя в статусе катехона, субъекта, способного отсрочить наступление конца.

Как итог, становится возможным разделение понятий *политического* и *политики*. Первое понятие позволяет выразить систему конститутивных начал, способностей «врагов» устанавливать нормативные основания для организации пространства интеракции по множеству соответствующих вопросов. Политика как понятие «представляет собой совокупность практик и институтов, посредством которых создается социальный порядок, организующий человеческое событие в соответствии с конфликтной моделью, задаваемой политическим» (Mouffe, 2005: 9) (цит. по: Балаклеец, Бакшутова, Мухаметшина, 2023: 5.2: 57). Так понимаемые институты определяются как инаковые, в трактовке могут трансформироваться в антагонистские и, как следствие, могут определяться как противоборствующие. В таком случае любой коллективный институт есть угроза для коллективной идентичности, которая может быть утрачена в результате противоборства

² Лядова Е. В. «Проблема политического в постмарксизме». *Практическая и прикладная философия: семинар (28 мая 2024)*. Институт философии РАН. 14.05.2025. <https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2024/28_05_24_2.pdf>.

с другими — коллективными (позитивно воспринимаемыми) врагами. Отношения между так понимаемыми врагами не могут быть разрешены исключительно через переговоры. Вместе с тем врагами, чье прямое отношение предполагает полное исключение, взаимное истребление, участники противоборства не являются. Таким образом, сохраняется антагонизм — если есть способность сохранять высокую стабильность при определенном уровне противоречий.

В целом в рамках постмарксизма Э. Лакло и Ш. Муфф превалирует идея гражданского самоуправления, которая может привести к отрицанию плюрализма, отсутствию границы между приватным и публичным, моралью и правом в развитии парадигмы гражданского общества и ряда связанных с ней положений (Фомин, 2017: 2: 94).

Заключение.

Значение принципов марксизма для современной политики и факторы их трансформации

Все представленные идеи служат основанием для обеспечения современной плюралистической публичной политики, что делает возможным сохранение основных принципов классического марксизма и его трансформации — с учетом современных реалий в политической сфере и смежных областях.

Факторы, свидетельствующие о трансформации марксистской концепции социальных институтов в XX в., таковы: отказ от экономического детерминизма, заложенного в классических идеях К. Маркса и Ф. Энгельса, в пользу доминирования идеологии, политической надстройки и ряда этических и социально-экономических оснований. Делается акцент на том, что именно политические институты оказываются едва ли не определяющими в процессе становления общественных отношений.

Вместе с тем сохраняется ряд центральных принципов марксистской диалектики. Так, в нео- и постмарксизме сохраняется идея антагонизма субъектов как фундаментальное выражение закона единства и борьбы противоположностей. В рамках концепций, принадлежащих постмарксизму, отчетливо видно стремление ученых сохранить антагонизм субъектов — участников политических и социально-экономических отношений. Такое стремление предполагает необходимость закрепления идеи борьбы при дезавуировании взаимного исключения субъектов — участников такой борьбы. Как следствие, признается факт существования «позитивного» врага как образа, подчиненного единым правилам и нормам интеракции в различных областях публичности.

Список литературы и источников / References

- Артамошин С. В. «Проблема политического в консервативной публицистике Карла Шмитта». *Вестник Тамбовского университета сер. Гуманитарные науки* 7 (75) (2009): 350—356. EDN: KYRNQJ.
- Artamoshin S. V. “The Problem of the Political in Carl Schmitt’s Conservative Writings”. *Vestnik Tambovskogo universiteta ser. Gumanitarnyye nauki = Tambov University Review ser. Humanities* 7 (75) (2009): 350—356. (In Russian).
- Балаклеец Н. А., Бакшутова Е. В., Мухаметшина Н. С. «Антагонистическое измерение политического: от Карла Шмитта к Шанталь Муфф». *Вестник Самарского государственного технического университета сер. Философия* 5.2 (2023): 51—60. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.6>. EDN: EFMAUX.
- Balakleyets N. A., Bakshutova E. V., Mukhametshina N. S. “The Antagonistic Dimension of the Political: From Carl Schmitt to Chantal Mouffe”. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta ser. Filosofiya* 5.2 (2023): 51—60. (In Russian). <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.6>

- Гололобов И. В. «Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: введение». *Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм* 3 (2003): 129—135.
- Gololobov I. V. “Ernesto Laclau’s theory of political discourse: Introduction”. *Byulleten’: antropologiya, men’shinstva, mul’tikul’turalizm* = *Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism* 3 (2003): 129—135. (In Russian).
- Гурин К. Е. «Анализ дискурсов как способ изучения социальных структур, идентичностей и процессов в теории Эрнесто Лакло и Шантеля Муффа». *Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: материалы XVII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана (20—21 марта 2014)*. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 185—192.
- Gurin K. E. “Analysis of discourses as the way of studying social structures, identities and processes in the theory of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe”. *Kul’tura, lichnost’, obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: materialy XVII Mezhdunar. konf. pamyati prof. L. N. Kogana (20—21 marta 2014)*. Yekaterinburg: UrFU, 2014. 185—192. (In Russian).
- Дорогов Д. А. «От политики к критике и обратно: деконструкция универсалистской политической онтологии в философии постмарксизма». *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина* 2.3 (2014): 155—163. EDN: TEWHLV.
- Dorogov D. A. “From Politics to Critique and Back: Deconstruction of Universalist Political Ontologies in Post-Marxist Philosophy”. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = *Pushkin Leningrad State University Journal* 2.3 (2014): 155—163. (In Russian).
- Мармазова О. И., Мармазова Т. Р. «Контргегемония Антонио Грамши как неотъемлемая часть неомарксистской политической теории». *Культура и цивилизация (Донецк)* 1 (7) (2018): 74—78. EDN: OTXCTW.
- Marmazova O. I., Marmazova T. R. “Contra-Supremacy of Antonio Gramsci’s as an Integral Part of the Neomarksis Political Theory”. *Kul’tura i tsivilizatsiya (Donetsk)* = *Culture and Civilization (Donetsk)* 1 (7) (2018): 74—78. (In Russian).
- Матвеев И. А. «Политико-дискурсивный анализ Эрнесто Лаклау». *Вестник Московского университета* сер. 12 *Политические науки* 3 (2009): 69—74. EDN: KYHFIF.
- Matveev I. A. “Ernesto Laclau’s Political Discourse Analysis”. *Vestnik Moskovskogo universiteta* ser. 12 *Politicheskije nauki* = *Lomonosov Political Science Journal* 3 (2009): 69—74. (In Russian).
- Михайловский В. С. «Неомарксистский поиск революции и ее агентов». *История и современность* 2 (26) (2017): 247—264. EDN: YLSNNV.
- Mikhaylovskiy V. S. “Neo-Marxis Quest for Revolution and Its Agents”. *Istoriya i sovremennost’* 2 (26) (2017): 247—264. (In Russian).
- Оришева О. Ф. «„Политическое“ и „социальное“ в постмарксистской теории гегемонии». *Труды БГТУ № 5 История. Философия. Филология* 5 (XVIII) (2010): 136—139. EDN: VEENBV.
- Orisheva O. F. “‘Political’ and ‘Social’ in Post-Marxist Theory of Hegemony”. *Trudy BGTU No. 5 Istoriya. Filosofiya. Filologiya* = *Proceedings of BSTU ser. V History. Philosophy. Philology* 5 (XVIII) (2010): 136—139. (In Russian).
- Пулю Ю. В. «Проблема манипуляции и власти в теоретическом наследии А. Грамши». *Философия права* 6 (31) (2008): 10—16. EDN: NAXBAH.
- Puyu U. V. “The Problem of Manipulation and Power in the Theoretical Heritage of A. Gramshi”. *Filosofiya prava* = *Philosophy of Law* 6 (31) (2008): 10—16. (In Russian).
- Рагозин Н. П. «„Философия практики“ А. Грамши как теоретическая предпосылка концепции духовного производства». *Культура и цивилизация (Донецк)* 2 (4) (2016): 7—25. EDN: XAALBJ.
- Ragozin N. “A. Gramsci’s ‘Philosophy of Practice’ as Theoretical Basis of the Concept of Spiritual Production”. *Kul’tura i tsivilizatsiya (Donesk)* = *Culture and Civilization (Donetsk)* 2 (4) (2016): 7—25. (In Russian).

Савин Н. «Порывая с Карлом Шмиттом: понятие политического в теории агонистического плюрализма». *Логос* 25.6 (108) (2015): 163—179. EDN: XCSYRF.

Savin N. “Breaking With Carl Schmitt: The Concept of the Political in Chantal Mouffe’s Agonistic Pluralism”. *Logos* 25.6 (108) (2015): 163—179. (In Russian).

Савино Дж. «Норма политической морали: интеллектуальный проект Антонио Грамши». *Социология власти* 29.2 (2017): 84—96. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-2-84-96>. EDN: ZWUEOT.

Savino G. “The Norm of Political Moral: The Intellectual Project of Antonio Gramsci”. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power* 29.2 (2017): 84—96. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-2-84-96>

Фомин К. В. «Модели политической идентификации (Ч. Тейлор, Э. Лакло, Ш. Муфф)». *Вестник Северного (Арктического) федерального университета сер. Гуманитарные и социальные науки* 2 (2017): 90—98. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.90>. EDN: YKORVX.

Fomin K. V. “Models of Political Identification (C. Taylor, E. Laclau, C. Mouffe)”. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta ser. Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University ser. Humanitarian and Social Sciences* 2 (2017): 90—98. (In Russian). <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.90>

Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy*. London; NewYork: Verso, 1985. 197 p.

Mouffe Ch. *On the Political*. New York: Routledge, 2005. 150 p.

Информация об авторе

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В. Н. Полецкого (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1247-8231.

Information about the author

Nikita N. Ravochkin — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor at the History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya st., 28); Professor at the Educational Technologies Department, Kuzbass State Agricultural University named after V. N. Poletskov (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva st., 5), nickravochkin@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1247-8231.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025, одобрена после рецензирования 07.07.2025.

The article was submitted 27.06.2025, approved after reviewing 07.07.2025.